

Викентий Вересаев

Московский Литературно-художественный кружок

Викентий Викентьевич Вересаев Московский Литературно- художественный кружок

Аннотация

«С начала девятисотых годов до Октябрьской революции в Москве существовал Литературно-художественный кружок – клуб, объединявший в себе все сливки литературно-художественной Москвы. Членами клуба были Станиславский, Ермолова, Шаляпин, Собинов, Южин, Ленский, Серов, Коровин, Васнецов, все выдающиеся писатели и ученые, журналисты и политические деятели (преимущественно кадетского направления). Это были действительные члены. Кроме того, были члены-соревнователи, – без литературно-художественного стажа: банкиры, фабриканты, адвокаты и почему-то очень много зубных врачей. Эти члены права голоса на общих собраниях не имели. В чем они могли в Кружке «соревноваться» – неизвестно. А чем они были полезны Кружку, будет видно из последующего...»

Викентий Вересаев

Московский Литературно-художественный кружок

С начала девятисотых годов до Октябрьской революции в Москве существовал Литературно-художественный кружок – клуб, объединявший в себе все сливки литературно-художественной Москвы. Членами клуба были Станиславский, Ермолова, Шаляпин, Собинов, Южин, Ленский, Серов, Коровин, Васнецов, все выдающиеся писатели и ученые, журналисты и политические деятели (преимущественно кадетского направления). Это были действительные члены. Кроме того, были члены-соревнователи, – без литературно-художественного стажа: банкиры, фабриканты, адвокаты и почему-то очень много зубных врачей. Эти члены права голоса на общих собраниях не имели. В чем они могли в Кружке «соревноваться» – неизвестно. А чем они были полезны Кружку, будет видно из последующего.

Ежегодный членский взнос действительных членов был – 15 рублей, членов-соревнователей – 25. Формально говоря, эти членские взносы были единственным доходом Кружка; в год это составляло не больше десяти тысяч рублей. Между тем Кружок занимал огромное роскошное помещение на Большой Дмитровке в доме Востряковых, № 15 (где впослед-

ствии помещался Московский Комитет ВКП(б), а теперь – Верховная прокуратура СССР). За одно это помещение Кружок платил сорок тысяч в год, ежегодно ассигновывал по 5–6 тысяч на пополнение библиотеки и столько же – на приобретение художественных произведений, оказывал материальную помощь нуждающимся писателям и художникам. Библиотека была великолепная, стены Кружка были увешаны картинами первоклассных художников; особенно много было портретов: знаменитый серовский портрет Ермоловой, Лев Толстой – Репина, Южин и Ленский – Серова, Шаляпин – Головина, Чехов – Ульянова, Брюсов – Малютина и др. Думаю, не ошибусь, если скажу, что действительный ежегодный бюджет Кружка был 150–200 тысяч рублей. Откуда же получались эти деньги?

В верхнем этаже был большой, с невысоким потолком зал, уставленный круглыми столами с зеленым сукном. Настоящую жизнь этот зал начинал жить с одиннадцати-двенадцати часов ночи. Тут играли в «железку». Были столы «золотые», где наименьшею ставкою был золотой. Выигрывались и проигрывались тысячи и десятки тысяч. Втягивались в игру и развращались все новые и новые люди. Ходит вокруг столов какой-нибудь почтенный профессор или молодой писатель, с иронической усмешкою наблюдает играющих; баляясь, «примажется» к чьей-нибудь ставке, поставит золотой десятирублевик, выиграет (к начинающим судьба обыкновенно бывает очень милостивой), возвращается к ужина-

ющим в столовой приятелям и говорит, посмеиваясь:

– Вот, заработал себе на ужин!

Глядишь, – через год-другой он уже не выходит из верхнего зала, уже не примазывается, а занимает место за столом и играет все ночи напролет. Вот тут-то и «соревновались» члены-соревнователи, вот для этой-то цели они и выбирались.

Приходилось тут наблюдать очень странные типы. Аккуратно после театра являлся сюда артист Малого театра К. Н. Рыбаков – великолепный актер, сын знаменитого Н. Х. Рыбакова. Высокий, плотный, очень молчаливый. Приставившись около стола, где шла самая крупная игра, и – смотрел. В игре никогда не участвовал. Но смотрел очень внимательно, не отрываясь. Сюда же спрашивал себе ужинать и ел за приставленным маленьким столиком, продолжая следить за игрой. Молчит. По тонким бритым губам пробегает чуть заметная усмешка. Просиживал аккуратно до шести часов утра, – крайний срок, до которого разрешалась игра, – и уходил последним. И – никогда не играл. Меня очень он интересовал. В чем дело? Знающие люди мне объяснили. Так бывает с ярыми игроками, бросившими играть. Когда-то Рыбаков жестоко проигрался, дал себе слово не играть. И вот мысленно переживал все перипетии чужой игры, находя в этом своеобразное наслаждение.

Много видов видал этот верхний зал Кружка, о многих острых событиях могли бы рассказать его стены. Вот одно из таких событий, о котором долго говорили в Кружке.

Поздняя ночь. В накуренном верхнем зале ярко горит электричество. Вокруг одного из «золотых» столов – густое кольцо зрителей. Все взволнованно следят за игрой. Мечет банк знаменитый артист Малого театра князь А. И. Сумбатов-Южин. Лицо его спокойно и бесстрастно. Вокруг стола в волнении расхаживает уже мною упомянутый артист К. Н. Рыбаков (он тогда еще играл). Поглядывает на стол, хватается за голову и говорит про себя:

– Нет, он положительно – сумасшедший! Он – с-у-м-а-с-ш-е-д-ш-и-й!

Рыбаков половиною долею вошел в банк, заложенный Южиным. Девять раз Южин выиграл, в банке двадцать пять тысяч. Но Южин продолжает метать.

– Даю карту!

Выигрывает в десятый раз. В банке пятьдесят тысяч. Рыбаков требует кончить. Но Южин как будто не слышит и опять:

– Даю карту!

Проигрыш почти уже верный. Присутствующие ставят последние деньги в расчете на выигрыш, глаза горят, лица бледны, руки дрожат. Только руки Южина спокойны, и лицо по-прежнему бесстрастно.

Выигрыш – в одиннадцатый раз! В банке сто тысяч. И опять спокойный голос:

– Даю карту!

Общее молчание. И денег таких ни у кого уже нет, да если

бы и были, так не пойдут, – всех охватил тот мистический ужас перед удачей, который знаком только игрокам.

Южин повторяет:

– Даю карту!

По губам его пробегает заметная озорная улыбка. Рыбаков оживает: желающих нет. Вдруг тихий старческий голос:

– Позвольте карточку! По банку!

Табачный фабрикант-миллионер Бостанжогло. Золотым пером пишет чек на сто тысяч рублей и кладет на стол.

Южин мечет. Открывают карты. У Южина пять очков, у Бостанжогло – победоносная девятка. Банк сорван.

Рыбаков схватился за голову и тяжело упал в кресло. А князь Сумбатов-Южин барственным жестом провел рукою по лбу и спокойно-небрежным голосом сказал:

– Ну, а теперь пойдем пить красное вино!

Этот-то верхний зал и служил главным источником дохода Кружка. Официально игра должна была кончаться в двенадцать часов ночи. За каждые лишние полчаса играющий платил штраф, увеличивавшийся в очень значительной прогрессии. Окончательно игра прекращалась в шесть часов утра. Досидевший до этого часа платил штрафу тридцать два рубля. Вполне понятно: человеку, выигравшему за ночь сотни и тысячи, ничего не стоило заплатить эти тридцать два рубля; человек, проигравший сотни и тысячи, легко шел на штраф в надежде отыгаться.

Отсюда и шли в кассу Кружка основные его доходы. Так

было везде, на такие доходы жили все сколько-нибудь крупные клубы. Часто против такого положения дел в Кружке раздавались протестующие голоса, говорили, что стыдно клуб сливок московской интеллигенции превращать в игорный притон и жить доходами с него. На это с улыбкой возражали: в таком случае нужно будет либо членские взносы повысить в двадцать-тридцать раз, либо нанять квартиру по сто рублей в месяц, обходиться двумя-тремя служащими, держать буфет только с водкой, пивом и бутербродами, выписывать в читальню пять-шесть газет и журналов. В такой клуб никто не пойдет.

И вот: анфилада больших залов с блестящим паркетом, уютной мягкой мебелью и дорогими картинами по стенам, многочисленные вежливые официанты в зеленых фраках с золотыми пуговицами, огромный тихий читальный зал с мягкими креслами и турецкими диванами, с электрическими лампами под зелеными абажурами, держащими в тени потолок; на столах – всевозможные русские и заграничные газеты и журналы; чудесная библиотека с редчайшими дорогими изданиями. Прекрасный буфет, недорогой и изысканный стол, тончайшие вина. Очень удобно было наблюдать до того мне совсем не знакомую жизнь старорежимного клуба и широкие круги сливок московской интеллигенции.

В помещении Кружка заседали многочисленные литературные и художественные общества: Общество деятелей периодической печати и литературы, литературный кружок

«Среда», Общество свободной эстетики и др. Устраивались банкеты и юбилейные торжества. В большом зрительном зале по пятницам происходили исполнительные собрания – выступали лучшие артисты и певцы, члены Кружка и приезжие знаменитости. По вторникам читались доклады на литературные, художественные, философские и политические темы. Диспуты часто принимали очень интересный и острый характер.

Ярко стоит в памяти один из таких диспутов. Приехавший из Петербурга модернист Д. В. Философов читал доклад о книге Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности». Зашел ко мне Ив. Ив. Скворцов-Степанов – большевик, будущий редактор «Известий». Я ему предложил пойти на доклад. Он в Кружке никогда еще не бывал. Заинтересовался. Пошли вместе.

На эстраде за столом, покрытым зеленым сукном, – докладчик, приехавшие с ним из Петербурга Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, Андрей Белый. Председательствовал поэт-модернист С. А. Соколов-Кречетов. Докладчик по поводу книги Шестова говорил о нашей всеобщей беспочвенности, о глубоком моральном падении современной литературы, о мрачных общественных перспективах. Потом начались прения. Выступил Андрей Белый с длинной истерической речью. Он протягивал руки к публике и взволнованно говорил об ужасающей всеобщей беспочвенности и беспринципности, о безнадежности будущего, о неслыханном мо-

ральном разложении литературы. Писатели занимаются тем, что травят собаками кошек. (В это время петербургские газеты шумели по поводу забавы, которую выдумали себе один небезызвестный беллетрист и два журналиста: они привязывали к ножке рояля кошку и затравливали ее фокстерьерами.)

– Литература сплошь продалась! – восклицал Белый. – Осталась небольшая группа писателей, которая еще честно держит свое знамя. Но мы изнемогаем в непосильной борьбе, наши силы слабеют, нас захлестывает волна всеобщей продажности... Помогите нам, поддержите нас!..

Андрей Белый был замечательный оратор. Речь его своею страстностью чисто гипнотически действовала на слушателей, заражала своею интимностью и неожиданностью. Публика горячо аплодировала.

Иван Иванович слушал, пожимал плечами и давился от смеха.

– Нет, не могу вытерпеть! Разрешается у вас выступать посторонним?

– Конечно.

Вышел – огромный, громовоголосый. Вначале слегка задыхался от волнения, но вскоре овладел собою, говорил едко и насмешливо. Недоумевал, почему так безнадежно смотрят выступавшие ораторы на будущее, говорил о могучих «общественных силах», временно побежденных, но неудержимо вновь поднимающихся и растущих. Потом о литературе.

– Господин Андрей Белый в пример развращенности нашей литературы приводит бездарного писателя, получившего известность за откровенную порнографию, да двух газетных репортеров, занимавшихся совместной травлей кошек. И это – наша литература? Они – литература, а Лев Толстой, живущий и творящий в Ясной Поляне, он – не литература? (Гром рукоплесканий.) Жив и работает Короленко, – это не литература? Максим Горький живет «вне пределов досягаемости», – как вы думаете, неужели потому, что он продался? Или и он, по-вашему, не литература? Господин Андрей Белый докладывает вам, что осталась в литературе только ихняя кучка, что она еще не продалась, но ужасно боится, что ее кто-нибудь купит. И умоляет публику поддержать ее. Мне припоминается старое изречение: «Добродетель, которую нужно стеречь, не стоит того, чтобы ее стеречь!» Так и с вами: боитесь соблазниться, боитесь не устоять, – и не надо! Продавайтесь! Не заплачем! Но русскую литературу оставьте в покое: она тут ни при чем!

Как будто в душную залу, полную тонко-ядовитых, расслабляющих испарений, ворвался бурный сквозняк и вольно носился над головами притихшей публики. Когда Скворцов кончил, загремели рукоплескания, какие редко слышал этот зал.

Вскочил Мережковский с бледным от злобы лицом. С вызовом глядя черными гвоздиками колючих глаз, он заявил, что публика совершенно лишена собственных мыслей,

что она с одинаковым энтузиазмом рукоплещет совершенно противоположным мнениям, что всем ее одобрениям и неодобрениям цена грош.

– И я вам докажу это. Вот я вас ругаю, – а заранее предсказываю с полной уверенностью: вы и мне будете рукоплескать!

И правда, – зарукоплескали. Но рядом раздались свистки, шиканье. Многие из слушателей порывались на эстраду, но председательствовавший Соколов-Кречетов не давал им слова. Все-таки одна курсистка взбежала на эстраду и взволнованно заявила:

– Я должна объяснить господину Мережковскому то, что он должен бы понимать и сам: «Публика» – это не организм с одним мозгом и двумя руками. Одни рукоплещут Скворцову, другие – ему.

Пришлось закрыть собрание. Иван Иванович смеялся и потирал руки.

– Очень интересный провел вечерок! Никогда ничего такого не видал. Спасибо вам!

1937